

Зоя! Дорогая! Дождлся, дождался!.. Знал, что правда восторжествует.

Ты, конечно, читала в газетах материалы Двадцатого съезда, а я был приглашен в газету на собрание, где зачитывали письмо ЦК, которое не было опубликовано в открытой печати.

Знал, знал, что будет дана соответствующая оценка монстру. Этого просто не могло не быть.

Хрущев не согласен с утверждением, что одержали победу в войне благодаря Сталину. Отдать всю победу Сталину — рабская психология. Народ был и остается главной силой. Конечно, роль личности в истории велика, но историки в будущем еще разберутся, кто сколько сделал для победы. А вот кто виноват в истреблении старых большевиков и командного состава Красной армии — абсолютно ясно. Вина, сказал Хрущев, лежит прежде всего на Сталине.

Еще до войны люди хотели замены Сталина, его смещения. Но ведь того же хотел и Ленин. Неумная жажда власти, мстительность — главный порок этого монстра.

В стране еще до войны не существовало никакого суда, никакого

следствия, никакого настоящего разбирательства. С людьми расправлялись подготовленные Сталиным опричники, которые бросались на любого, достаточно было ему шевельнуть пальцем. И он так привык к этому, что и после войны, когда решил расправиться с Тито, говорил: «Пальцем пошевелю — и не будет Тито».

Хрущев уверен, что и Киров в тридцать четвертом был убит по заданию Сталина.

Сталин был парализован Гитлером, как кролик удавом. Боялся сделать всякий решительный шаг. Боялся, что Гитлер может это расценить как нападение.

А армия победила бы и без Сталина, даже с меньшими потерями: люди боролись за свою землю, за свой народ, за свою жизнь. Лозунг «За Сталина!», настойчиво продвигавшийся в жизнь по политическим соображениям, — результат неправильного восприятия вещей, сказал Хрущев.

Не сталинское окружение толкало Сталина на определенные поступки. Не оно подбирало себе шефа, шеф подбирал подручных по своему вкусу. Убрать же своих подручных Сталину не составляло никакого труда, и он это делал.

Много еще чего сказал в этом закрытом докладе Хрущев — всего не перечислишь. Это перевернуло сознание здравомыслящих людей, а те, кто раньше сомневался в правильности сталинского правления, утвердились в своих сомнениях.

Зоя, дорогая! Хотел в этом письме послать свой новый маленький рассказ, но он еще не вышел. Когда будешь читать, вспомни тридцать восьмой и мои «приключения»...

Все прошедшие недели — отвратительное настроение: стоит убийственная весна. Температура не поднимается выше пяти градусов, солнца не видели две недели, за огород не принимались, а потом все эти «дела», то есть доклад Хрущева. Так от всего противно: кто же правил — да и правит! — нами? У меня перевернулись мозги. И вопросы, вопросы, вопросы... Что будет? Что ждет?

Мой педагогический труд не вызывает положительных эмоций: многие совершенно не хотят учиться, и учить их поэтому абсолютно бесполезно. В таком случае нужно давать человеку ремесло в руки, и пусть вкалывает. Но у нас все должны быть грамотными. А по мне — пусть

лучше какую-то специальность немудреную освоят и трудятся. Получается замкнутый круг: от меня как учителя требуют хороших оценок, а они, ребята, просто не хотят ничего делать. Потому нет от такой работы морального удовлетворения.

Детишки здоровы. Все время на улице и «воюют». Особенно разбойничает Наташка: просто уличный мальчишка.

Саша способный и учится хорошо. Школа благотворно действовала и на его здоровье.

Вчера и старшая прислала письмо. Дела идут прилично, а недовольна только тем, что сидит на вскрытии. Решила заказать себе в ателье платье, а это значит: папаша, пришли стерлинги...

Последнее время с удовольствием перечитывал Писемского: недавно вышли три его тома. Пятнадцатого Калининград торжественно встречал сильных мира сего — Булганина и Хрущева. На встрече не был, но говорили, что вели себя правители запросто: за ручку со многими здоровались.

Пиши, Зоя, и береги себя.

* * *

...Скорее отвечаю на твое письмо: потом будет некогда.

Нехорошая в этом году весна: долго было холодно, а теперь — сушь. Не единого дождинка. Сады еще не зацвели: их здорово повредили морозы.

Что сказать о Фадееве? Корни его самоубийства, по-моему, глубже, чем объяснено. Причина — якобы алкоголизм. А причина алкоголизма? Дело в том, что он был ставленником и любимцем Сталина, а вот перво-классным писателем — первого десятка — вряд ли. Новые веяния и привели к этой трагической развязке.

Очень советую в пятом номере «Нового мира» прочесть роман Бруно Ясенского «Заго-

вор равнодушных». В тридцать седьмом Ясенский был арестован и расстрелян как польский шпион. А сейчас создана целая комиссия по сбору его литературного наследства. Жена публикует незаконченный его роман.

В общем, судя по всему, в писательских кругах горячо обсуждаются материалы XX съезда, что вносит свежую струю в литературу.

Советую также спросить в библиотеке «Очерки былого» сына Льва Николаевича Толстого.

Радуюсь: в октябре получишь наконец настоящую пенсию. Верно, она не Бог весть какая, но на твои скромные запросы хватит. Это уже чистые деньги без всяких вычетов.

О нашей военной пенсии — разговоры разные. Одни утверждают, что ее несколько снизят, другие говорят, что оставят на том же уровне. Я получаю не по выслуге лет, а по инвалидности. По моей группе гражданские люди имеют право всего-то на сорок пять рублей.

Числа с пятнадцатого мая — как закончу занятия — уйду на пять-семь дней в море в качестве корреспондента областного радио. Соберу материал на зиму: море и рыба очень интересуют.

Настроение довольно скверное. Дело в том, что в «Калининградке» собирали творческий актив, и я одернул одного большого, но глупого партийного чиновника. За это он пожаловался на меня в обком. В обком меня не вызывали — беспартийный, но, не сомневаюсь, припомнят...

Как противно сознавать, что твоя жизнь зависит от таких гнусностей, от какого-то тупого вельможи, который не знает, когда ему — без указания! — и в сортир-то сходить...

Позавчера председатель лит-объединения сказал, что вернулся мой рассказ, который посыла-

ли в Союз писателей на рецензию. Отзыв очень хороший. Только как в столице опубликовать? Подумываю послать его Александру Трифоновичу Твардовскому. Может, вспомнит по Смоленскому литобъединению? Исаковский помнит.

Сейчас бродит в голове хороший замысел, но, если даже получится, где печатать?

«Академик» закончил год с похвальным листом. И соловьи всю соревнуются. Сейчас окно открыто, и где-то совсем близко кукует кукушка. Люблю вещуны!..

С хозяйством полное неблагополучие: каждый день похороны кур. Умирают от куриного дифтерита.

Теперь в заключение о самом главном: Зоя, приезжай! Приезжай в июле. Посмотришь на — без пяти минут — докторшу. Твой обратный путь оплачу: ведь теперь материально не бедствуем и не вытряхиваем, как раньше, перед зарплатой всю мелочь из карманов. А встречу как королеву Елизавету... Обнимаю.

ГОД 1957-й

...В этом году главные хлопоты предстоят у Маргариты, но она уже ходила в деканат, все рассказала, и ей обещали поспособствовать.

Дело в том, что многие девочки правдами и неправдами хотят зацепиться за Питер: благо врачей-педиатров не хватает. Рита говорила о Калининграде — молодом областном центре, где врачи тоже в дефиците. Тем более что присланы справки: родители являются инвалидами третьей группы и имеют на содержании двух малолетних детей.

Софья начала сдавать: появились сильные боли в сердце и одышка. Прошу съездить к специалисту в Калининград — ни в какую.

* * *

...Сашук хорошо заканчивает школу, а Наталья — готовится. Решили отдать ее в этом году, хотя будет ей только шесть лет и девять месяцев. Но около Сашки выучилась читать, писать, считать. Учиться в первом классе для нее не составит труда. Дисциплинирует же школа основательно.

* * *

...Приехала наша докторша с дипломом: шесть лет оттрубила. Диплом хороший, без троек. Отдыхала всего десять дней и приступила к работе в областной детской больнице. Пока на ставку, но обещали полторы.

Наталье к школе купили красивую форму, а белые банты такие — кажется, улетит...

* * *

Милая Зоя! Прости, что долго не писал: болел. И сильно. Грудь болела... Потом решили капитально подготовиться к зиме: отремонтировали все печи, сделали в кухне духовку, а после Софья сама решила побелить и, конечно, свалилась. Нанял женщину, она все и доделывала. В это время врачаха наша укатила на октябрьские праздники в Ленинград, а нам из ее министерства здравоохранения пришло «поздравление»: предписание немедленно явиться на работу в Коми. Разумеется, никуда она не поедет, так как уже три месяца успешно работает в Калининграде, но нервы помотают. Написал обстоятельное письмо министру Ковригиной, которое Маргарита, как вернется, переписшет от своего имени и отошлет. Возмущает то, что человек трудится, старается, а ему говорят: живи, как велит чужой дядя. Демократия!..

* * *

...С сегодняшнего дня Маргарита что-то заболела: нарывает нога и очень высокая температура. Наверно, завтра даже на работу не поедет.

Альманах литобъединения вышел. В нем мой рассказ. Пришло. Сейчас усиленно готовимся к выпуску сборника, посвященного сорокалетию Советской армии. Не знаю, что из моего пойдет туда. Кое-что напечатал в «Калининградке».

К зиме подготовились: в субботу привезли две тонны угля, картофель закуплен, капуста заквашена, а зимы все нет и нет: погода стоит чудесная. Кур — пятнадцать штук, и Софья ждет, когда они будут нестись по два раза в день. Степан, котьяра, совсем разжирел: ходит важно, как купец, и — ненасытная утроба — выпрашивает чего-нибудь вкусенького.

Пиши подробней о себе.

ГОД 1958-й

...Прежде всего — о главных и очень важных для меня новостях: с двадцать третьего января зачислен редактором областного издательства, которое открылось первого января сего года. Это такое счастье, такая радость, Зоя. Не пропал даром мой упорный пятилетний труд в газете. Ведь о такой работе не мог и мечтать! Расскажу подробно, как случилось.

Когда официально предложили должность, откровенно сказал, что с большой радостью приму ее, но, не имея опыта такой работы и диплома, готов трудиться в издательстве месяц по совместительству — не бросая школы. Если увижу, что работа по плечу, перейду окончательно. Издательство согласилось. И вот я редактор! Верно, пока теряю в зарплате, но не все в деньгах...

Впечатление первых дней самое радужное. Очень хорошо, с большим вниманием относится главный редактор: не как начальник, а как товарищ.

Часто советуется, полагаясь на мой вкус. Дам краткую характеристику коллегам.

Директор — фронтовик, танкист, горел в танке и сильно покалечен. Как и у меня, у сердца — инородное тело. По образованию — историк.

Главный — с Алтая, полковник в отставке, старше всех нас. Был на фронте политработником и редактором газеты. Очень знающий и тонко чувствующий слово человек. С ним интересно разговаривать и работать.

Так как издательство призвано выпускать массово-политическую, производственную, сельскохозяйственную и художественную литературу, на каждое направление взято по редактору. Массово-политической занимается выпускник Ленинградского университета. Парень был в армии, но фронта не нюхал. С апломбом, желает сделать карьеру. Производственной занимается бывшая ростовчанка, тоже с университетским значком. Так как мы с ней пришли позже остальных, делим одну ставку на двоих: пока в штатном расписании всего три редакторские должности. Но оба работаем столько, сколько нужно. Директор выбивает в Москве еще одно место.

Сельскохозяйственной заведует изящное молодое создание — ровесница моей Маргариты, выпускница Казанского университета. Столы наши рядышком, и целыми днями Люсенька либо переводит немецкие книжки по сельскому хозяйству Восточной Пруссии, обложившись словарями, либо мотается по области, либо бежит в обком и облисполком за указаниями. Наивная девочка...

Полагает, что таким образом будет способствовать подъему сельского хозяйства, которому до восточнопрусского — как до неба...

Ну а я занимаюсь писательской братией. Пока член Союза писателей в области один, но все метят, все желают... Рукописей свалилась уйма. Иногда кто-нибудь из коллег помогает хотя бы прочитывать — ведь все филологи.

Как видишь, окружают ученые люди — с университетскими поправками и партийными билетами. Я один не обременен ничем. Белая ворона...

Несмотря на то, что товарищи обуниверситечены, со мной часто советуются. Значит, не зря проглотил столько книг. Прости, если расхвастался...

О Маргарите. Работает врачом в больнице и на полставки на участке. Девушке трудно, если учесть, что каждый день — поездка. Ну да она молода! Институт и министерство пока молчат, а заводчелением сказала, что ляжет костями, но куда ее из Калининграда не отпустит.

Второй день в гостях в Калининграде бригада Союза писателей. Все — солидные зубры. Вчера было чрезвычайно интересное собрание. Водил на него Маргариту. Понравилось.

Домашние новости. Кот Степан вернулся, а пропал две недели. Маленькие здоровы, но скандалят отчаянно. Я целый день в городе и мало чем могу помочь Софье: она здорово сдает.

Жду в десятых числа февраля сборник калининградских литераторов: в нем и мои два рассказа. Пиши, сестрица, не забывай.

...Работаю. Работа нравится, хотя часто приходится вместо редактирования художественной литературы заниматься ерундой: выпу-

скать никому не нужные плакаты, скучнейшие брошюрки.

Недавно по областному радио давали мой рассказ, но пишу сейчас, к сожалению, мало: очень устаю.

Маргарита работает по-прежнему, и платят ей прилично: недавно за полмесяца принесла семьсот семьдесят рублей. Купили ей кое-что и не бедствуем.

Сегодня заканчиваются каникулы у Саши. Четверть окончил без троек, но грубиян и бездельник: матери мало помогает. Сказывается разницей в нашем дурацком воспитании. Натаха совсем отбилась от дома: бегаёт по подружкам, а недавно с ребятами — без позволения — изволила укатить на автобусе в Калининград. Пришлось сильно отругать.

Мы с Соней задумали такую аферу: засеять огород, а потом ей с ребятами на месяц уехать в Спас-Деменск: хоть отдохнет немного среди своих. Зоя, приезжай в это время. На твоём попечении будут только пятнадцать кур и Степан. Доброе дело сделаешь и отдохнешь от Киреевки.

...Очень пасмурное настроение: с моря тянет холодный ветер, солнышка не видно, и разные Софьины глупости...

Достал пропуск и взял на майский парад Сашку. Он был в восторге: есть на что посмотреть. Техника очень внушительная.

С работой неплохо, но все еще тружусь на полставки: директор никак не выбьет ставку.

На следующий год издательство планирует выпуск моей книжки. Так как работаю редактором, нужно брать специальное разрешение в Москве — в Комитете по печати, которому подчиняемся. Рукопись книги придется посылать туда.

Софьины куры исправно несут яйца. Продукты есть, и материаль-

но живем вполне сносно. С моей точки зрения — даже хорошо.

Огорчает твоё здоровье. Сходи к врачу, и пусть пропишет даже самое редкое лекарство — импортное. У меня есть друзья-моряки, которые ходят за границу. Купят любое: был бы рецепт.

Приезжай, приезжай к нам — так хочу тебя видеть.

...Жаль, что не решилась выбрать-ся. Хотелось вновь почувствовать около себя родную душу. Каждый из нас живет только в себе: Маргарита все молчит, а что можно услышать от моей супруги?

С первого августа работаю, наконец, на полной ставке. Со школой распрощался. Не жалею, потому как шалопаи не хотят учиться.

Огорчает, что сам пишу мало: езда в город съедает время.

Очень хочется в отпуск — уехать от суеты. Обещают в газете Балтфлота напечатать отрывки из моей повести. Заработаю деньжонок и — куда-нибудь недели на две...

Урожай яблок в этом году невиданный, но у меня яблоньки вымерзли. Остались две.

Пиши, пожалуйста, подробнее!

...Ты неправильно поняла меня, дорогая сестрица. Нужна ты мне не в качестве работницы. Присмотреть за курами и Степаном не так уж сложно. Просто осталось на свете нас всего двое, и каждое лето мечтаю увидеть тебя. Угадываю, почему не едешь: чувствуешь себя неважно, и твоя деликатность мешает приезду. Жаль, очень жаль...

Уже взошла картошка, а сегодня вывелся первый цыпленок.

Книгу мою в Комитете по печати одобрили и планируют издать в пятьдесят девятом году. Это греет душу.

Саша закончил год с наградой. Способный он мальчик, но очень несобранный и лентяй.

* * *

...Маргарита с третьего сентября отдыхает в Сочи дикарем: платит за койку десять рублей в сутки. Судя по двум письмам, нравится. Перед отъездом просил ее на обратном пути заехать к тебе, проведать. В Спасе она тоже собирается побывать.

Натаха учится неплохо, но очень невнимательна и неусидчива. Вот сейчас только что закончила войну с матерью: целый вечер решали какую-то задачку.

Работой доволен, только здорово устаю. К концу года должны сдать в набор — в типографию — много книг. Посылаю свою первую редакторскую работу: эта детективная чепуха пользуется большим спросом. Тираж тридцать тысяч разлетелся мгновенно.

В сентябре, кроме зарплат и пенсий, получил еще тысячу рублей гонорара. Думал отложить на отпуск, но Софья купила ковер и два гобелена и все деньги ухлопала. Устал, устал и телом, и душой...

Спрашиваешь о моей книге. Она для юношества. Готова, но наши редакционные «критики» все сомневаются: ведь у меня главное — не тема труда. Пишу о разных зверюшках и хороших добрых озорниках. Это вызывает сомнение.

Недавно «Литературная газета» попросила статью. Написал и послал, но вряд ли опубликуют: расхожусь с общими воззрениями и канонами. Мой главный тезис: нет мелких тем, есть мелкие писатели...

Стоит чудесный сентябрь, и, может быть, будет хорошая теплая зима. Если заедет Маргарита, бери свою шубу, валенки и приезжай зимовать зиму.

* * *

...Как и следовало ожидать, Маргарита к тебе не заехала, а поехала прямо в Спас. Пробыла там два дня и вернулась не одна: привезла двух великовозрастных племянников — Витьку и Светку, детей Софьиной сестры Валентины. Им, видите ли, в Спасе делать нечего. И все это — не посоветовавшись со мной.

А мои силы тоже на исходе: от темна до темна... Кроме того, нужно было опять организовать ремонт печей, доставать топливо.

С отпуском не решил: на работе много дел, да и нет денег. Они утекают куда-то неудержимо, хотя на себя, кроме обеда и папирос, ничего не трачу. А хмурая осень наступает. И на сердце — тошно.

Пиши побыстрее. Привет твоим друзьям.

* * *

Ноябрьские праздники провел сносно: был в гостях у автора-пограничника. Хорошая, дружная семья.

Племянника Виктора устроил учеником на целлюлозно-бумажный комбинат. Там чудесное общежитие, но не знаю, по вкусу ли придется труд этому избалованному юноше. Теперь надо устраивать куда-то племянницу. Хлопоты доставляют еще одну головную боль: своих проблем куча.

В отпуск не пойду: нет денег.

Ребята неплохо закончили четверть: Саша получше, Натаха похуже. Чудачка она. Утром, в темноте, топаем с ней по лужам: она — в школу, я — на работу.

Не придавай значения слухам о пенсиях: народ часто сам себя пугает. Зачем усложнять и так непростую жизнь?..

* * *

...Хочу поздравить с наступающим Новым годом. Что-то он всем принесет? Стареем, стареем, сестрица...

Детишки худущие, но здоровы, учатся. Натаха даже Сашку перецеголяла в успехах.

Софья три дня назад ездила с соседкой в Ригу за тряпками. Накупила разной ерунды, а деньги достаются трудно.

Племянник Виктор работает, племянница Светлана — не у дел. Предлагал устроить в филиал Сельскохозяйственной академии на работу и учебу, условия хорошие. Не желала. Какого рожна нужно, не знаю...

На днях как редактор выпустил в свет две интересные книжки: обязательно вышлю.

Радуюсь, скоро минуют темные, холодные дни. Очень жду весну...

ГОД 1959-й

...Новый год встретил дома, в кругу приятельниц и приятелей Маргариты. Публика не очень интересная, но ведь у каждого свой вкус. Двадцать девятого декабря был колоссальный банкет на двадцать пять персон, и устроил его в ресторане один из моих авторов: майор пограничной службы. Он гонорар за книгу порядочный получил.

Ребята закончили полугодие благополучно. Стоит у них красивая елка, но они ее уже мало созерцают.

Собирается домой племянница Светлана: можно было бы и здесь устроиться, но что-то не желает. А я и не настаиваю: больно крутелистая девка.

Маргарита с пятого января стационарируется в областной больнице по хирургии.

Очень устал, сестра, но брать отпуск в такую пору не хочется. Подожду весну — уже не за гора-

ми. Каждый раз, отрывая листки календаря, радуюсь, что день прибывает.

* * *

...Хочу рассказать и смешную, и трагичную историю. Один из наших авторов — Петр Воробьев — написал роман «Красные ручки». Петюня — пожилой человек, лет шестидесяти с гаком. Единственный, кто имеет членский билет Союза писателей. Был принят еще в тридцать шестом году самим Горьким. Как это произошло, не знаю, но он абсолютно безграмотен и бесталанен. Моя попытка с ним работать не увенчалась успехом. Теперь за редактирование его романа — а не редактировать нельзя: обком не позволит, он уже бегал туда, — взялся сам главный редактор. Однако силы и терпение у главного тоже кончаются. В пылу спора главный выбрасывает в форточку Петюнины перлы — листы рукописи. Петюня бежит на улицу и, отряхивая их, подбирает. Потом главный, выпив сердечных капель, снова принимается за работу. Так — почти каждый день...

* * *

Зоя, дорогая! Долго не писал, потому что весна сложилась неблагоприятно: еще с зимы стала прибалывать Софья. Разумеется, лечиться мы не любим, и к обычной болезни присоединился грипп. Месяц назад попала в больницу. Диагноз — болезнь щитовидной железы. Обещали выписать вчера, но появилось подозрение на аппендицит. Не выписали. Самочувствие нельзя назвать угрожающим или очень опасным, но она сильно похудела и постарела: проклятая щитовидка — болезнь коварная.

Дома хозяйничает Светлана: домой не уехала, как собиралась. А три дня назад явилась из Спаса ее мать Валентина — Со-

нина сестра. Эта тут же навела идеальный порядок.

Как только Софья вернется, буду просить ее хотя бы на две недели поехать в дом отдыха в Зеленоградск.

Служебные дела обстоят неплохо: в газете «Литература и жизнь» напечатана порядочная статья. Печатаюсь в областных газетах, а на прошлой неделе получил билет члена Союза журналистов СССР. Это большая радость.

С отпуском не знаю, что будет. Думал взять два месяца подряд, но ни служебные, ни домашние дела не позволяют.

Вчера с помощью племянника Виктора и Светкиного хахаля строил забор. Устроили славно. Скоро нужно приниматься за огород, но без Софьи боимся.

Как было бы хорошо, если бы ты приехала к нам в мае: Софья очень прислушивается к твоему голосу. Может быть, сумели бы отправить ее в дом отдыха, а деньги разыщем.

Не расстраивайся от моих невеселых новостей.

* * *

...Не успел привезти Сою из больницы — худущая страшно, — как заболела Светка: Маргарита обнаружила у нее аппендицит. Отвезли в больницу, прооперировали.

Поставил Софье условие, чтобы наняла человека для уборки дома и стирки. Приезжаю в субботу с работы — стирает сидя. Лелею надежду: если ты приедешь, выпроводим ее в дом отдыха. Она сама просит тебя приехать при первой возможности.

Теперь о делах: вчера флотская газета напечатала мой новый рассказ. Телевидение дает инсценировку другого рассказа. А книжку мою сдадут в печать, вероятно, в мае.

Вместо весны — летят снежинки. Так хочу видеть тебя, поговорить.

* * *

...Вчера после работы был на дне рождения сослуживицы Люсенки. Мама ее, Евгения Яковлевна, приготовила всякие вкусности. Был и пирог с палтусом и луком. Так обильно не ел никогда. Немножко подвыпив, гости пели, а потом под аккомпанемент гитары Евгения Яковлевна исполнила старый романс, который слышал в далекой молодости:

Девушку из маленькой таверны
Полюбил суровый капитан
За глаза пугливой дикой серны,
За улыбку, как морской туман...

Евгения Яковлевна старше меня на три года, человек немолодой, но какой же у нее красивый, мощный и чистый голос, хотя петь не училась. Врач.

У Люсенки есть муж: интересный двадцатипятилетний парень, интеллигентный, москвич. Служит сыщиком: ловит воров и убийц. А моя Маргарита, ее ровесница, так еще и не устроила свою жизнь...

Да, хочу рассказать тебе одну интересную историю, в которую трудно поверить в наш материалистический век.

Уже писал, что племянника Виктора определил на ЦБК. Не так давно он получает письмо от священника — отца Димитрия из Спас-Деменска. Они знали друг друга, и отец Димитрий к Виктору очень хорошо относился. А совсем недавно телеграммой вызывают Виктора в Москву с просьбой срочно приехать. Виктор выезжает и застаёт отца Димитрия в больнице при смерти. Едва ворочая языком, священник говорит, что оставляет ему, Виктору, двадцать пять тысяч рублей на учебу. Объясняет, к кому обратиться, чтобы получить деньги. Виктор обращается, и ему отдают тысячи.

Вчера прибыло письмо из Москвы, что отец Димитрий умер. Отпевал его сам митрополит, и похоронили в Пушкине, в Подмоскowie, с большой торжественностью.

Вот ведь: каких только чудес не бывает на свете! Боюсь только, что этому баламуту деньги не приносят пользы. А меня этот случай наводит на размышления о непредсказуемости человеческих поступков.

Книги, которые обещал, постараюсь выслать в недалеком будущем.

* * *

Дорогая Зоя! Не писал долго потому, что случилось такое, что и в страшном сне не приснится: чуть не умерла Соня. Постараюсь логично рассказать о случившемся.

В конце октября ее состояние резко ухудшилось: боли в сердце, удушье, потеря аппетита, слабость. Рита срочно положила ее в областную больницу. Там диагностировали токсический зоб. Сказали, нужна срочная операция, но оперировать побоялись. Велели ехать в Москву, дали направление. С каждым днем — на глазах — Соне становилось все хуже: она перестала подыматься, пришлось пользоваться судном. Рите дали отпуск за свой счет, и она неотлучно находилась при матери. Второго ноября — при помощи скорой и носилок — поездом тронулись в путь. В Москве встречали тоже скорая и носилки. Положили в Боткинскую больницу. Осмотрел профессор, сказал, что оперировать нужно без промедления, а сам уехал куда-то в другой город. Оперировал ассистент, и это оказалось даже лучше. Ассистент оказался человеком серьезным, молодым, сильным физически: оперировать было нелегко.

Операция шла четыре часа под местным наркозом. Очень опасались, выдержит ли сердце.

Выдержало!.. После операции пролежала три недели: восстанавливали сердечную деятельность. Как только стала ходить, отпустили домой, в Гурьевск, под тщательный досмотр дочери-врача. Сейчас состояние вполне приличное, только категорически запрещены физические нагрузки. Позволяем немножко заниматься варкой обеда — иначе совсем тоскливо. Ходит по саду, который сейчас весь голый.

Жили мы с Ритой — меня тоже отпустили с работы, но не за свой счет, а с сохранением оклада — в Москве у Мозесов — Александры Ивановны и Семена Моисеевича. Александра — Аля — двоюродная сестра Сони. Живут они в одном из переулков улицы Горького, бывшей Тверской, в полуподвале. Но комната большая и очень теплая. Отнеслись с участием и сочувствием. Аля готовила Соне какую-то фантастическую еду — только бы ела!..

Когда прощались с доктором, протянул ему конверт. Он категорически отверг. Тогда поехал в Елисейский магазин и купил на эти деньги коньяк и закуску. На радостях в ординаторской — дело было поздно вечером — тяпнули!..

Вот, милая сестрица, какое страшное событие пришлось пережить.

С хозяйством понемногу справляемся. Ликвидировали кур, убирать и стирать приглашаю женщину. Топливо на зиму купил. Перезимуем! Лишь бы не было больше напасти.

Как ты? Здоровье? Береги себя. К сожалению, на выручку приехать не смогу. Прости.

* * *

От автора

Писем за шестидесятый и шестьдесят первый годы не сохранилось. А может быть,

их вообще не было. В эти годы Григорий Иванович много работал: был завален рукописями в издательстве и писал свою главную книгу. Наверно, в переписке с сестрой отделялся коротенькими открытками, которые она не сохранила. Но осталось одно письмо за шестьдесят второй, которое привожу полностью.

ГУРЬЕВСК,
20 ЯНВАРЯ 1962 ГОДА

Дорогая Зоя! Не писал — не мог. Случилось страшное, что поставило крест на всей работе, а может, и жизни.

В ноябре был областной партийный актив. Выступал командующий Краснознаменным Балтийским флотом и сказал, что областное издательство выпустило идейно порочную книжку «Человек в гимнастерке», автором которой является Ершов, а редактором Случевский. Объяснил, почему книга идейно порочная: в одной из сцен героиня одна, в пустой комнате, смотрит на себя — в неглиже — в зеркало и представляет, как вечером ее будет обнимать любимый. Героиня сбежала от мужа к другому — офицеру Советской армии. Командующий сказал, что такого с офицером нашей армии не могло и не может быть никогда. Потому книга порочит советскую жизнь.

Роман вышел три месяца назад, тираж разошелся. Последствия речи, напечатанной в областной газете, следующие: автор продолжает работать, как и работал, в «Калининградке», директору и главному редактору издательства — по партийному выговорешнику, а меня уволили с работы за несостоятельность, за выпуск идейно порочной книжки, как будто я один участвовал в ее издании.

Уволен в начале декабря. Меня перестали печатать все областные газеты. Со мной не имеют никаких дел областное радио и телевидение. Ходил в горно с просьбой взять на работу в школу. Сказали: нет свободных мест.

Спросишь, почему все случилось. Ответу словами древних: *Is fecit cui prodest*, то есть «сделал тот, кому выгодно». А выгодно, во-первых, таким как Петя Воробьев, о котором уже писал. Бесталанным, но сволочам. Выгодно тем, кто хочет, чтобы литература была бархатной, как платице девочки на картинке. Выгодно тем, кто ненавидит высовывающихся. Высовываться нельзя — как и при генералиссимусе.

Как отнеслись к случившемуся сослуживцы? Когда заходил за трудовой книжкой, все опустили глаза. Только Люсенька накинула пальтишко и вышла проводить. Не побоялась.

Дома тоже гробовое молчание — со стороны Софьи и Маргариты. Дети — Сашка, Наташка — ничего не понимают.

Вся тяжесть материального положения свалилась теперь на плечи Риты: я приношу только пенсию.

Сжег рукопись, над которой работал два последних года. Сжег потому, что там были сцены не любования обнаженной нату-

рой, а посерьезнее. Прочтение рукописи могло повлечь репрессию семьи.

Мне пятьдесят второй год. Начинать жизнь заново — поздно. Это финиш.

Прости, дорогая, что огорчил письмом, но кому-то должен был все объяснить.

Вокруг — молчание. И я молчу, молчу, молчу... Только бесконечно курю у себя на верхотуре.

Сожги мое письмо.

От автора

Григорий Иванович Случевский заболел в ноябре шестьдесят второго. С температурой под сорок положили в областную больницу, прооперировали. Операция показала: рак легкого. После операции не суждено было встать: жил на кислородных подушках. Насколько возможно, при нем была Маргарита. Приехала и Зоя Ивановна, но Маргарита ее и Софью пустила к отцу лишь дважды: состояние было тяжелым. Один раз допустила Люсеньку.

Вечером двадцать пятого декабря Маргарита пошла в комнату, где стояли баллоны с кислородом. Когда вернулась, на клочке бумаги, что лежал на тумбочке, карандашом было нацарапано: «Зоя! Помоги моим. Я умирал...» Отец лежал в забытьи. Он умер в ту же ночь — в ночь на двадцать шестое декабря.

Когда хоронили Григория Ивановича, шел мелкий мокрый снег. Ветер дул пронзительный. В грузовике, устланном еловым лапником, установили закрытый гроб. Около гроба поставили две скамьи. На них сидели Софья, Маргарита, Зоя Ивановна, дети и Люсенька с писателем Вьюгиным. Машина тронулась. Люся и Вьюгин сказали, чтобы подъехали к издательству, где все так хорошо начиналось, где осталось сердце Случевского...

Судьбы героев сложились по-разному. Зоя Ивановна умерла в шестьдесят седьмом семидесяти трех лет. Умерла — замерзла в собственной комнате в Киреевске. Топили плохо, а у нее была астма и не было сил. Все, кого при жизни опекала, куда-то подевались. Письма Григория Ивановича не сожгла — сохранила. На чердаке, в маленькой шкатулке.

Жена Софья, несмотря на болячки, прожила восемьдесят лет: уход дочери-врача был отменным. Маргарита всю жизнь посвятила матери, брату и сестре. Ну а младшие выучились, обзавелись семьями и, слава богу, благоденствуют. Нет только Случевского. Нет уже много лет. У нас умели и умеют расправляться...